

Н. И. Кашин

ПОСТУПКИ И ЗАБАВЫ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Записки Никиты Ивановича Кашина, в отличие от «Гистории...» князя Куракина, обладают другими достоинствами. Если князь Куракин, отягощенный историческими познаниями и аристократическими комплексами, стремится как бы подняться над прошлым, дать, как ему кажется, объективную его картину, то простой сержант просто вспоминает.

Вполне возможно, он находился в частях, которые осуществляли охрану государя, во всяком случае он часто его видел. Он не был близок к царю, в его воспоминаниях нет рассказов о каких-либо встречах с Петром, но то, что это был очевидец последнего десятилетия жизни царя, несомненно. Не исключено, что рассказы Кашина были кем-то записаны, систематизированы в рукописи, которая стала известна лишь в начале XIX века. Когда читаешь их, не проходит ощущение, что это именно записи устных рассказов, и ценность их в том, что автор чаще всего не ставит перед собой задачи поведать для потомства что-либо нравоучительное. Как жил, что ел, во что одевался царь, какой у него был голос, какие привычки — эти и многие другие бытовые черты, как правило, навсегда исчезающие вместе с их обладателем из памяти потомков, здесь сохранены и позволяют нам увидеть великого царя со стороны, глазами простого человека.

Конечно, Кашин преисполнен привычного для многих тогда чувства обожания своего гениального современника, великого императора, но те реалии, которые он видит и подмечает, — обычные, земные, и, безыскусно передавая их, Кашин тем самым приближает нас к прошлому. В его записках есть несколько развернутых новелл анекдотического типа (что такое анекдот XVIII века, будет сказано ниже), цель которых именно воспеть какие-то особые личные качества Петра. Отчетливо выраженная литературная обработанность этих новелл с элементами прямой

речи выглядит довольно искусственно рядом с простыми, незатейливыми воспоминаниями маленького человека, обыкновенного солдата — свидетеля и участника великих событий в России.

Записки Н. И. Кашина публикуются по изданию: Поступки и забавы императора Петра Великого. (Запись современника). Сообщение В. В. Майкова. СПб., 1885.

Я, нижеподписавшийся, описываю самовидное и верно слышанное мною с 1717 до 1725 годов, дела и поступки и увеселительные забавы славного, великого императора Петра Алексеевича, всея России повелителя и милостивейшего Отца Отечества.

1

Сей великий император, богочтец и хранитель уставов церковных и веры содержатель твердый, всякое воскресенье и праздники неотменно приезжает к церкви Троицкой на Питербургском острове против Сената и по входе в церковь никогда в парuke не входит, сняв, отдает денщику и становится на правый клирос и при нем его дворцовые певчие; и пение производит четвероголосное, партесу не жаловал, а во время обедни сам читал апостол, голос сиповатый, не тонок и не громогласен, лицом смугл, ростом не малым, сутуловат; когда от пристани идет до церкви, из народа виден по немалому росту, головою стряхивал; токмо один его великан цесарец выше был полуаршином. В викториальные дни приезжал на верейке, и у пристани во ожидании его величества привожен был в уборе аргамак; и как изволит из верейки выйти, то поведут перед ним аргамака до церкви; и по отпении обедни со всеми министрами и генералами войдет в питейский дом, что у Петропавловских ворот у мосту, сам выкушает анисной водки и прочих всех пожалует. После полудни в определенный час всем министрам и генералам и разыдентам чужеземным и архиереям сбор на Почтовый двор,¹ и тут трактированы будут, и по времени потеха огненная с планами и ужин, а во дворце того никогда не бывает.

2

Всякий день его величество вставал после полуночи за два часа или больше по времени и входил в токарную, точил всякие штуки из кости и дерева; и на первом часу дня выезжает на смотрение в разные места, всякий день наряд на все дороги,

коляски и у пристаней верейки и шлюпки, и все дожидаются до самого вечера, а куда изволит ехать — неизвестно, а особливо редкий день который не бывает в Сенате.

В дом его императорского величества не повелено входить ни с какими прошениями, ниже с нижайшими визитами, ни в простые, ни в церемониальные дни, а только входили граф Федор Матвеевич генерал-адмирал Апраксин, светлейший князь Меншиков, канцлер Гаврила Иванович Головкин.

3

В летнее и осеннее время по Переведенной и по прочим улицам ходит пешком, летом в кафтане, на голове картуз черный бархатный, а в осень в сюртуке суконном серонемецком, в шапке белой овчинной калмыцкой на выворот; и ежели идущи противу его величества, сняв шапку или шляпу, поклонится и, не останавливаясь, пройдет, а ежели остановится, то тотчас придет к тебе и возьмет за кафтан и спросит: «Что ты?» И ответ получит от идущего, что для его чести остановился, то рукою по голове ударит и при том скажет: «Не останавливайся, иди, куда идешь!»

4

По указу его величества велено дворянским детям записываться в Москве и определять на Сухареву башню для учения навигации, и оное дворянство детей своих записывали в Спасский монастырь что за Иконным рядом, в Москве, учиться по-латыни. И услыша то, государь жестоко прогневался, повелел всех дворянских детей московскому управителю Ромодановскому из Спасского монастыря взять в Петербург свай бить по Мойке реке для строения пенковых амбаров. И об оных дворянских детях генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, светлейший князь Меншиков, князь Яков Петрович Долгорукий и прочие сенаторы, не смея утруждать его величества, попросили слезно, стоя на коленях, милостивейшую помощницу ее величество Екатерину Алексеевну о заступлении малолетних дворянских детей, токмо упрости от гнева его величества невозможно. И оный граф и генерал-адмирал Апраксин взял меры собою представить; велел присматривать, как его величество поедет к пенковым амбарам мимо оных трудившихся дворянских детей, и по объявлении ему, Апраксину, что государь поехал к тем же амбарам и приехал к трудившимся малолетним, скинул с себя кавалерию и кафтан и повесил на шест, а сам с малолетними бил свай. И как государь возвратно ехал и увидел адмирала, что он с малолетними в том же труде в битии свай употребил себя, и, остановясь,

государь говорил графу: «Федор Матвеевич, ты?» — Генерал-адмирал отвечивал: «Бьют свай мои племянники и внучата; а я что за человек, какое имею в родстве преимущество? А пожалованная от вашего величества кавалерия висит на дереве, я ей бесчестия не принес». И то слыша, государь поехал во дворец и определил их в чужестранные государства для учения разным художествам, так разгневан, что и после биения свай не миновали в разные художества употреблены быть.

5

Все знатные персоны расписаны по дням, в которые после полудня его величества приезжает и веселится, называлась ассамблея: забавляются в карты и шахматы, и в тавлеи, тут и государыня с фамилиею присутствует, машкарадов, комедий и опер не бывало, а был машкарад в Петербурге и в Москве по замирении Шведского мира 1729 года² на кораблях и шлюпках, на самом его величество был на корабле в матросском бостроке бархатном, черном, и производилась за Красными воротами на площади.

6

После Рождества Христова бывают церемониальные славления. В начале был всешутейшим князь-папою Петр Иванович Бутурлин, из знатных персон; из дворян выбраны архиереи и архимандриты, протодьякон и дьяконы, и грозных заик двенадцать человек, папиных поддьяков плешивых двенадцать человек, весны двадцать четыре человека, изготовлены линии, впряженные по шести и по осми лошадей; и во втором часу ночи на оных линиях по расписанию господ и генералов во все святки к которым приезжать. И как всешутейший князь-папа приедет, в начале поп Битка³ дворцовый начинает и певчие государевы поют «Христос рождается» по обычаю; и потом поставят на столе великую чашу, с собою привезенную, налитую вином, и в ней опущен ковш, нарочно сделанный под гербом орла; и в поставленных креслах сядет князь-папа, и возле чаши положены два пузыря говяжьих от больших быков, и в них насыпано гороху, и у той чаши кругом на коленях стоят плешивые. И архиdьякон возглашает: «Всешутейский князь-папа, благослови в чаше вино!» И потом папа с стола берет по пузырю в руку и, обмоча их в чаше в вине, бьет плешивых по головам, и весна ему закричит многолетие разными птичьими голосами. А потом архиdьякон, из той чаши наливши ковш под гербом, подносит всем присутствующим и громогласно кричит: «Жалует всешутейский князь-папа вина!» А как выпьет, паки возглашает: «Такой-то

архиерей, из чаши пив, челом бьет». И по обношении все из дому поедут в дом князь-папе, и от него по своим домам, и во всей оной церемонии его величество присутствует.

7

Случившаяся в Петербурге свадьба его всешутейшего князь-папы. Сделанная была перемида на площади против церкви Троицкой для церемонии взятия четырех фрегатов; а по прошествии времени в той перемиде изготовлена была князь-папе спальная перина, набита хмелем, подушки плетенные из хмельных стеблей и насыпаны хмелевыми листьями; на полу той перемиды насыпано хмелю стеблями, не обирая хмелю, толщиною в поларшина, одеяло по парусине стегано теми же хмелевыми тонкими стеблями. И жениха всешутейшего папу в Иностранной коллегии⁴ и его величество со всем генералитетом и знатым дворянством убирали во одеяние, в мантию бархатную малиновую, опущенную горностаями, с большим отложным воротником горностаевым же, шапка белая, вышиною в три четверти аршина, рядами, один другого выше. И его величество, и министры, и генералы, и дворяне были в машкарадном разном платье, токмо масок на лицах не было.

А с невестиной стороны в доме, построенном деревянном у Невы-реки, близ церкви Троицкой, в присутствии великой государыни Екатерины Алексеевны и дам, наряжали невесту в платье старинное: в охобен насыпной объери рудожелто, шапка горнотная бобровая, вышины больше полуаршина, покрывало волнистой тафты. Ее величество и дамы в разном машкарадном платье, а масок на лицах не было ж.

И по совершении убранства ход церемониальный к церкви продолжался сим порядком: его величество с генерали[те]том в машкарадном уборе шли по рангам, а жениха вели его присутствующие плешивые, а мантию нести от тех же плешивых путь охраняли заики, а весна шла и кричала разными, голосами птиц. И пришед к церкви птишники в церковь не входили. Невесту из деревянного дома вели свахи из дворянских дам в уборе старинном, за нею следовала ее величество с дамами в машкарадном платье. И по прошествии в церкви венчаны по правилу церковному, и по обвенчании тою же церемониею шли в дом, что у Невы, и был стол. Жених и невеста посажены были под балдахином, убраным бруснишником, лимонами и помегранцами; и был стол с кушаньем, по старинному обычаю. И всей той церемонии в хождении смотрели с галдарей, а церемониального ходу их высочества цесаревны Анна Петровна и Елизавета Петровна.

И по окончании свадебного стола тою же церемониею свели жениха и невесту на покой в уготованную спальную на оную постель, и около той перемиды были его присутствующие плешивые, заики, и весна кричала, и в бубны били.

И после полудни была всем его присутствующим повестка, и собирались в построенный дом у Невы-реки, близ Сената, в сие хоромы. И возле того дома на реке сделан был великий плот четвероугольный, и в нем вставлен чан немалый, и в него налито пива, и в чане пущен ковш деревянный большой; и от того плота на канатах привязаны по две сороковые бочки, в длину продолжались сажень на сорок; и в оном чане, в ковше, сидел князь-папа, имея в руках пузыри, и около чана плешивые. На плоту стоял Нептун со острогою, наряженный во одежде белой, борода седая, на ней навешено всяких родов раковин, выбранный из дворян Тургенев, и около его наряженные заики в знаки сирен морских, и на бочках посажены были архиереи и весь князь-папинский причет. И оные бочки буксировали шлюпки чрез Неву к Почтовому двору, и как шествие началось, то князь-папа пузыри мочил в пиве и бил по головам плешивых, в то время пела весна всех родов птичьими голосами; и от пристани до Почтового двора ехал папа верхом на буйле, а архиереи с причетом ехали на быках верхом. И в доме Почтовом в сенях молодая его супруга, наряженная в горнотную старинную пашку, в охобне, покрыта покрывалом, на нем написано всех родов звери и птицы, встретила своего супруга и взяла за руку, свела в палаты, и посажены были под балдахин, сплетенный из хмелевых ветвей. И отправляемая церемония такая же, как и на славенье, поили вином и трактированы ужином, и сим потешная свадьба кончилась.

8

Церемония по Неве-реке: всем сенаторам и генералам, и дворянам, которые в присутствии у дел определенные, розданы были, по рангам, буеры, баржи, шлюпки, боты, верейки на их собственное содержание, под смотрением Дмитрия Потемкина. И во время весны и лета по воскресным и праздничным дням по сигналу выстрела из пушки у Троицкой пристани с поднятием красного флага, то всем, кому даны суда, надлежит следовать из гавани на Неву и разъезжать по Неве-реке по действию тех судов до сигналу же пушечного выстрела.

9

Кушал его величество очень мало и жаловал, чтоб было горячее, и кухня была во дворце об стену его столовой, и в стене

было окошко, из которого подавали кушанье, а церемониальных столов во дворце не было. И после обеда отъезжал на яхту, поставленную у дворца на Неве почивать, и караул стоял около яхты, чтоб никто не ездил; а после почиванья для прогуливания ездил на Петербургский остров, ходил на Гостином дворе,⁵ торговал товары, но не приминет и кренделей купить и квасу выпить, все смотрел, чтоб порядочно было.

В великих трудах и в путешествиях не имел скуки, не охраняя своего здоровья, но ревнуя своей России, чтоб ее сделать славною и непобедимою от прочих наций. И не можно того думать, чтоб великий и неустрашимый герой боялся так малой гадины — тараканов: и наперед его едущего кулиеры бежали и где надлежит быть станции осматривали, нет ли в избе тараканов, и по крайней возможности таких изб обыскать не можно, то по дорогам ставили избы нарочные для охранения от сей гадины.

10

Будучи его величество на пиру за столом со многими знатными и разговаривая о делах отца своего, бывших в Польше, и о препятствии великом от Никона патриарха,⁶ тогда граф Мусин-Пушкин стал дела отца его величества уничтожать, а его хвалить, изъясняя тем, что у отца его Морозов и другие были великие министры, которые более, нежели он, делали. Государь так тем огорчился, что, встав от стола, сказал: «Ты хулою дел отца моего, а лицемерно мне похвалою более меня бранишь, нежели я терпеть могу!» И пришед к князю Долгорукову, став у него за стулом, говорил: «Ты меня больше всех бранишь и так тяжко спорами досаждаешь, что я часто едва могу стерпеть; но как рассужу, то я вижу, что ты меня и государство верно любишь и правду говоришь, для того я тебя внутренно благодарю. Ныне же тебя спрошу и верю, что о делах отца моего и моих нелицемерно правду скажешь». Оный отвечивал: «Государь, изволь сесть, а я подумаю!» И как государь подле него сел, то недолго, по повадке великие свои усы разглаживая и думая, на что все смотрели и слышать желали, и так начал:

11

«Государь, сей вопрос нельзя кратко изъяснить для того, что дела разные. В ином отец твой, в ином ты больше хвалы и благодарения достоин. Главные дела государей три: первое — внутренняя расправа и главное дело ваше есть правосудие. В сем отец твой более времени свободного имел, а тебе еще и думать времени о том недостало, итак, отец твой более, нежели ты,

сделал; но когда и ты о сем прилежати будешь, то можешь превзойдешь, и пора тебе о том думать. Другое — военные дела. Отец твой много чрез оные похвалы удостоился и пользу великую государству принес, тебе устроением регулярных войск путь показал, да по нем несмысленные все его учреждения разорили, что ты, почитай, все вновь делал и в лучшее состояние привел; однако ж я много думаю о том, еще не знаю, кого более похвалить, но конец войны твоей прямо нам покажет. Третье — в устроении флота, в союзах и поступках с иностранными ты далеко большую пользу государству и себе честь приобрел, нежели отец твой, и сие все сам, надеюсь, за право примешь». Его величество выслушал все терпеливо, целовал его, сказал: «Благий рабе, верны, вmale был еси верен, над многими ты поставлю».

12

Во время шведского мира 1721 году на Петербургском острову против Сената сделан был Янусов дом⁷ великим фигурным театром и убран весь фонарями разноцветными; в воротах план фитильный: нарисован Янус древний мирорешительный. Против того дому поставлены две персоны: первая в знак императора Петра Великого, другая в знак короля шведского; и около дому по плану фитильному и возле их перемиды и колеса, и всякие огненные фигуры. Да от того ж дому протянута веревка к сенатской галдарей, и на ней укреплен орел; и у всего того приуготовления был сам царь, и при нем бомбардирские шкапы Скорьнеков-Писарев и Корчмин. И по собрании всего генералитета в Сенат, и от них его величеству принесено за его усердное и нестрашимое старание к Российскому отечеству титул императорский со изречением Отца Отечества, государя всемилостивейшего. И в ночи в 12 часу сам государь зажег орел, который полетел прямо в Янусов дом и зажег план с статуею, и как стал сгорать, то те персоны пошли с простертыми руками и затворили ворота Янусовы; из того храма вдруг вылетело больше тысячи раkit, и потом за города из поставленных по Неве реке галер из пушек учинилась стрельба подобная грому и молнии и продолжалась с час. Потом зажгли два плана: на одном — корабль, идущий в гавань, надпись: «Конец дело венчало»; на другом — корона российская и шведская, соединенные на столе с надписью: «Соединение дружбы». И по сгорании планов началась огненная потеха удивительным порядком с перемидами в подобии брaлиантов, а на верху перемиды корона российская, а на другой корона шведская, и продолжалась потеха часа четыре; и потом был ужин, и тем кончилась церемония.

В 1722 году, по пришествии его величества в Москву, на Красном лугу против Суконного двора о том же мире была великая огненная потеха, только разности статей были не из фитилей, но бумажные, и в них вставленные фонари горели, был машкарад церемониальный: за Красными воротами сделан корабль, боты, шлюпки и верейки на зимнем ходу; и его величества был на корабле в матросском платье, а позади флота в санках впряжены олени, медведи, сидели зверовщики и рыболовы, а все из дворян; а продолжался шесть дней.

13

Того же 1722 году в мае месяце его императорское величество следовал Окою и Волгою реками на галере, сделанной с покоеми, и прибыл в Астрахань июня 28 числа для шествия с воинством в Персию. И бывши в Астрахани, ходил, ездил, осматривая работ и оснастки судов для приуготовления в Персию Каспийским морем, и для летнего жару в матросском бостроке, бархатном черном, на голове платок бумажный красный, шляпа маленькая. И как все к походу было изготовлено, то его величество и с государынею императрицею пошел в поход на боту по Каспийскому морю к Четырем Буграм, где после и гавань была; за ним следовали галиоты рек, боты и тялки, и ластовые суда, и островские лодки, и вышед в море, стали на якорь, и в ночи было огненное видение от фонарей и стрельба из пушек. И потом его величество пошел на боту и при нем гвардия и пехота полевая на островских лодках на правую сторону к Грахании, а флот пошел на левую сторону морем к острову Чечню. И прибыл его величество в Аграхань, увидел, что деревня Андреева взбунтовалась, послал генерала Кропотова за драгунскими полками и казаками в один полк пехотный; и им, генералом, деревня вся разбита и разорена. И государь шествовал к городу Дербени; из оного города вышел Наин, в чину коменданта, и вынес ключи на серебряном блюде и поднес его величеству, и государь, приняв ключи, сквозь город прошел до реки Милюкенте, расстоянием в 20 верстах, и стал лагерем. На другой день от острова Чечня и флот прибыл ко оной же реке. Потом чрез два дня сделался ужасный шторм на море, и якори судов удержать не могли, многие на берег выкинуло с провиантом и с артиллериею. И после сего его величество следовал в Астрахань, и по прибытии в Астрахани малого время пробыл, шествовал в Москву⁸. И по прибытии в Москве 1724 году его величество супругу свою великую государыню Екатерину Алексеевну за многие военные в походе трудности короновал в Успенском соборе⁹, и по церемонии шествовал в Петербург, в любезный свой город.

На Петербургском острове церковь деревянная во имя пресвятой Богородицы Казанской и образ Богоматерин украшен. И весьма полюбился оклад бывшему тогда архимандриту невского монастыря Феодосию, потом был архиепископ Новгородский; приехав в церковь Казанскую для осмотра порядка церковного, при том выговорил, что образ Богородицын низко в иконостасе стоит, всякие люди к нему прикасаются; велел ее взять и отвезти в Невский монастырь; не по многом времени ризу ободрав, велел поставить во святых воротах того ж монастыря. И уведомились о том прихожане той церкви, в великой печали и сетовании были. У той же церкви был прихожанин, типографии директор, и у его величества в знаемости и в милости, Михайла Петрович Аврамов, весьма о том соболезнавал и взял смелость просить его величество: и улуча время, по требованию от его величества с картами быть во дворец, и по объявлении карт стал на колени и просил его величество, что архимандрит Невского монастыря Феодосий из церкви их взял чудотворный образ Богородицы Казанской в свой монастырь и, ободрав оклад, поставил в том монастыре в воротах; и на то его величество ничего не сказал. И по времени был съезд в викториальный день на Почтовом дворе, в том присутствии были и священные персоны, в первых Стефан Рязанский, Феофан Скопский¹⁰, Феофилакт Тверской, веселились; и его величество всех потчивал разными винами, и пришед к столу, где архиереи сидят, сел на стуле, а подле стула стоял денщик Василий Нелюбохотин, держа под пазухою шляпу государеву. И государь зачел речь Рязанским: «Батюшка, скажи мне, что значит образ чудотворный и нечудотворный? Написание едино». На то преосвященный говорил: «Ваше величество, мы по милости нашей пожалованы и подвеселились, ответить от Святого Писания не можем», — и тем окончил речь.

Взглянул сурово на денщика: «Какая у тебя шляпа и чья?» Денщик объявил, что государева. Потом с великим сердцем сказал денщику: «Как ты, детина негодный, неучтивец, великого государя шляпа, которую на голове государь носит, а ты под плечо мнешь. Да где ж та шляпа, которая на голове была и в баталии Полтавской прострелена пулею?» И на оное денщик сказал, что та шляпа в Казенной¹¹ хранится. И по изречении того встав зачел говорить: «Всемиловитейший государь, самая истина показала довод ясный: шляпа, которую денщик ваш под плечом держит, но и та шляпа, которая хранится в Казенной, одной шерсти и дела рук человеческих, но великую разнь имеет: что она на таком великом человеке была на голове и пулею пробита, за то она против прочих шляп и хранится в почтении;

и непременно тому образ и написание на цке, и ваны* те же, но в том Господь прославляет за усердную веру обещателя написать и писателя благочестивого, в том и прославляется чудотворением от образа написанного». И государь, выслушав, встал и пошел в другие покои, и тем тот викториальный вечер кончился.

И назавтрие его величество послал денщика Семена Баклановского в Невский монастырь к архимандриту и велел ему сказать со гневом, чтоб он образ и с тем же окладом поставил в церкви Казанской Богородицы; и по тому именному приказанию и принесен и поставлен. А в 1736 году, в царствование государыни императрицы Анны Иоанновны, ее повелением сделана каменная церковь во именование Казанской пресвятой Богородицы на Адмиралтейской стороне у Гостиного двора, и образ чудотворной Богородицы Казанской в новопостроенную церковь перенесен и донныне в той церкви.

15

За год до его кончины весьма ослабел в своем здоровье и частые имел припадки, а особливо от каменной болезни, токмо его усердие к России и болезнь не удерживала в его старании и смотреии; и по нестерпимой каменной болезни двенадцатидневном страдании и неумолчно кричал, и тот крик далеко слышан был, и потом скончался 1725 году, января 28 числа, и поставлен был в медном гробе в Петропавловском соборе на анбоне, убранном визитами с подписями, и шесть недель стояли министры и генералы. И по смерти государя императора Петра Первого приняла царствование ее императорское величество Екатерина Алексеевна и не в долгом времени царствования 1727 года, мая 7 числа, в Петербурге скончалась и положена в медный гроб, и по отпетии поставлено тело ее во гробе на том же анбоне с сожителем ее великим императором Петром, и покрыты грызетовыми золотыми покровами, и шестинедельная церемония справлялась у гроба. И по кончине государыни императрицы принял самодержавствование император Петр Второй; и не въезжая в Москву для коронования, повелел указом сделанные два столба каменных за Спасскими воротами, где ныне стоят пушки большие под железною кровлею, — и на тех столбах торчали головы: на первом Цыклера и Алексея Соковнина и прочих пять голов, на втором — Кикина, архиерея Игнатия Ростовского, духовника, и прочих же пять же голов; в середине столпов сделан столб деревянный, на нем сидел Степан Глебов, — повелел сломать и место изровнять.

* Возможно — в смысле «они».

И по малом царствовании 1730 году от оспы скончался и погребен в Москве в Архангельском соборе у столпа против раки чудотворца Димитрия. И по призыву из Митавы государыню Анну Иоанновну на императорство и по коронации в Москве, по шествию ее в Петербург 1731 году, при ее присутствии, и по отпети панафиды с пушечною стрельбою гробы императорские Петра Великого и государыни императрицы, супруги его, опущены в землю в Петропавловском соборе у правого крылоса в вечную память¹².

